

Человек технологически достроенный: в поисках целостности

Г.У. Солдатова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»); НОЧУ ВО Московский институт психоанализа
(НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

С.Н. Илюхина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»); НОЧУ ВО Московский институт психоанализа
(НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-450X>, e-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Смешанная реальность и появление техносистемы, как важной части экологической системы жизнедеятельности людей в цифровую эпоху, формирует новый антропологический тип человека, технологически расширенного и достроенного цифровыми средствами. Человек достроенный, будучи одновременно телесно воплощенным и дематериализованным в своем расширении за пределы физического тела, оказывается распределенным между различными реальностями и цифровыми пространствами, что ставит под вопрос его целостную субъектность. Проблема целостности рассматривается в рамках следующих направлений: технологического, когнитивного, мотивационно-ценностного и социально-поведенческого. Важный фокус анализа — поиск новых форм управления цифровыми достройками, формирование внутренней согласованности личности, объединяющей в себе цифровые и реальные идентичности и способной осознанно, ответственно, эффективно и безопасно быть включенной в практики цифровой социальности. В эпоху цифровых трансформаций, скорость которых все нарастает, проблема целостности современного человека должна быть пересмотрена на основе ключевого принципа — изменяющийся человек находится в постоянно трансформирующемся мире, предполагающем, в том числе, что прежние антропологические лекала и нормы сковывают наше понимание о нем и что человек — открытый, незавершенный проект, нацеленный на бесконечное раскрытие своего потенциала.

Ключевые слова: технологически расширенная личность, цифровая социализация, целостность, экстернализм.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00350 (<https://www.rscf.ru/project/23-18-00350/>).

Для цитаты: Солдатова Г.У., Илюхина С.Н. Человек технологически достроенный: в поисках целостности // Культурно-историческая психология. 2025. Том 21. № 1. С. 13–23. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2025210102>

Digital Extended Man Looking for his Wholeness

Galina U. Soldatova

Lomonosov Moscow State University, The Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Svetlana N. Ilyukhina

Lomonosov Moscow State University, The Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: svetla.iluhina@gmail.com

The mixed online-offline reality, with the technosystem as an integral component of the digital era's ecological human system, has given rise to a new anthropological type: the technologically augmented human, enhanced by digital tools. This extended human, simultaneously embodied in the physical realm and dematerialized through extra-corporeal expansion, becomes distributed across multiple realities and digital spaces. This distribution challenges the concept of holistic subjectivity. The problem of wholeness is examined through technological, cognitive, motivational-value, and socio-behavioral dimensions. A key focus is on identifying new methods for managing digital extensions, fostering internal coherence, and integrating digital and real-world identities to enable conscious, responsible, effective, and safe participation in digital social practices. In this era of rapid digital transformation, the wholeness of modern humans must be re-evaluated based on a fundamental principle: a changing individual exists within a constantly transforming world. This principle acknowledges the limitations of previous anthropological frameworks and norms in understanding humanity, recognizing humans as an open, unfinished project perpetually striving to realize their boundless potential.

Keywords: digital extended personality, digital socialization, holism, wholeness, externalism.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, project number 23-18-00350 (<https://www.rscf.ru/project/23-18-00350/>).

For citation: Soldatova G.U., Ilyukhina S.N. Digital Extended Man Looking for his Wholeness. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-Historical Psychology*, 2025. Vol. 21, no. 1, pp. 13–23. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2025210102>

Четвертая промышленная революция, темп которой постоянно ускоряют цифровые трансформации, подводит нас к неизбежному превращению человека в существо, все более соединенное с технологиями. Исследователи ищут метафоры, через которые возможно описание, исследование и объяснение происходящих изменений. Одна из таких метафор, появившаяся в русле концепций эволюционной биологии и психофизиологии, — это человек достроенный, когда орудия, им создаваемые, рассматриваются как внешние экзосоматические органы, выступающие продолжением его тела (А. Лотка, П. Медавар, И. Фейгенберг) и позволяющие ему осваивать новые виды активности. В трансдисциплинарном контексте — это один из способов представить важнейший вектор эволюционного развития человеческой цивилизации в технологически насыщенной социокультурной среде — новой экосистеме существования человека.

В этой системе важнейшим опосредующим звеном между индивидом и окружающим миром становится техносистема — смартфоны, компьютеры, цифровые платформы, приложения, программы искусственного интеллекта и многое другое, а также способы их использования. Значимый фактор развития техносистемы — стремительный рост числа подключенных к Интернету людей и вещей, что опре-

деляет возникновение смешанной (конвергентной) реальности — киберфизической среды — сложного комплекса физических, социальных и виртуальных субъектов, объектов и стимулов реального и виртуального миров [9]. Все это представлено одновременно в рамках единого пространственно-временного континуума и, несмотря на то, что предполагается его целостное восприятие человеком, в контексте традиционного онтологического мышления остро встает вопрос о понимании подлинной структуры бытия в цифровую эпоху. В этом континууме в ответ на онтологический вызов стимулируется расширение и активная достройка подключенного к Интернету человека посредством техносистемы и возникают сложные проблемы обретения в условиях цифрового опосредствования новой целостности личности в множественной реальности.

В контексте парадигмы культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и теории экологических систем его последователя У. Бронфренбренера развитие человека в новой экосистеме рассматривается как этап социальной эволюции человека, когда техносистема, как важная часть внешней среды, расширяя возможности и взрослого, и ребенка, встраивается в когнитивную, поведенческую и социальную системы человека, интегрируется с ними, достраивая

и видоизменяя их. Цифровые устройства и цифровые среды выступают как культурные орудия опосредствования психических функций, новых видов деятельности, социального взаимодействия, новых культурных практик [7].

Человек достроенный: от каменного рубила до искусственного интеллекта

Процесс «расширения» человека начался, конечно, не сегодня. Три-четыре миллиона лет назад какой-нибудь выдающийся австралопитек впервые использовал палку как орудие и расширил свои возможности с помощью внешних средств. Кроманьонцы уже осознанно изобретают различные орудия, кроме того, найдено множество наскальных рисунков эпохи верхнего палеолита — и это первые свидетельства сохранения древним человеком части своего сознания вовне — на «внешнем носителе». Дальше в истории непрерывное расширение человека и достройка его орудиями и технологиями шли по нарастающей: от копалок и рубил до телескопов, хирургических роботов и межпланетных космических аппаратов. И самый размахистый шаг человек сделал именно в эпоху цифровых трансформаций — это предполагает в том числе и существенное расширение его возможностей, например по сравнению с аналоговой эпохой, когда доступная ему среда была несравненно технологически скуднее. Объединенное с технологическими средствами, включая искусственный интеллект, сознание человека оказывается и телесно воплощенным, и телесно невоплощенным в своем расширении за пределы физического тела и мозга. Человек не может быть уже только телесной или только «цифровой» сущностью, он оказывается непрерывно включен в разные миры, и хотя его «воплощения» оказываются неразрывно связаны, они при этом постоянно распределены между множеством пространств одновременно, что порождает вызов его целостностной субъектности [15; 18; 26].

Человек, расширенный и достраиваемый, — главный модус концепции цифровой социализации, которая рассматривается нами как процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам постоянно трансформирующейся социотехнологической среды [7]. Трансдисциплинарная матрица, представляющая методологическую основу рассмотрения феномена технологически достроенной личности, включает широкий спектр концепций, среди которых заметное место занимают подходы, основанные на философско-методологической позиции экстернализма. Понимание природы сознания прошло свой путь от интернализма, когда психические феномены редуцируются к физическим или функциональным характеристикам мозга, к экстернализму, когда внешние объекты оказывают не только каузальное воздействие на когнитивные процессы, но даже конституируют или организуют их. Экстерналистская оптика предполагает, что научное познание челове-

ка детерминировано внешними условиями его формирования, и человек рассматривается через призму его внешних дополнений или расширений. Эта позиция наиболее отчетливо просматривается в работах по философии техники Э. Каппа; в таком направлении когнитивной науки, как энактивизм (Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош); в классическом экстернализме Х. Патнэма и Т.Берджа; в активном экстернализме Э. Кларка и Д. Чалмерса; а также значительно раньше, чем эти идеи появились в двух предыдущих направлениях, в активном социальном экстернализме Л.С. Выготского, где ключевое внимание уделялось социальным формам развития психики [4].

В рамках концепции цифровой социализации, изучая человека через ключевые ее измерения: доступ и подключенность к цифровым технологиям, смешанную реальность, технологически расширенную личность, цифровую социальность и цифровое благополучие, — мы находим много доказательств того, как ускоряются процессы расширения человека в смешанной киберфизической реальности и какие в связи с этим его изменения происходят уже сейчас.

Темп технологических трансформаций и потребление населением новых цифровых продуктов нарастают. ChatGPT всего за два месяца своего существования начали использовать уже 100 млн человек, в то время как другим популярным цифровым платформам потребовалось на это намного больше времени. Но несмотря на то, что сейчас большинство сервисов работают на основе нейронных сетей, а футурологи в ближайшее десятилетие пророчат появление «сильного» искусственного интеллекта, бум, связанный с чатом GPT, отшумел. И скоро у пользователей в руках окажется собственное персональное мобильное устройство на основе искусственного интеллекта — интерактивное, многозадачное, обладающее различными функциями, например распознавания и синтеза речи, компьютерного зрения, даже проприоцепцией, почти одушевленное, формирующееся в процессе взаимодействия с владельцем как «уникальная сущность» и способное максимально ему соответствовать. Такой ИИ-фон станет компаньоном, важной цифровой достройкой реальной личности, которая в этом тандеме приобретет новые свойства и качества.

Интерес к расширенному технологиями человеку не случаен — цифровые достройки в самых разных сферах жизнедеятельности человека (поиск информации, система знаний, коммуникация, саморегуляция и др.), как мы уже сегодня видим, существенно изменяют образ жизни человека, меняют его самого. Именно такой человек — расширенный, дополненный и распределенный через внешние технологические орудия и цифровые знаковые системы — становится все более активным субъектом в цифровом мире и смешанной реальности. Такой взгляд требует уточнения и возможно переосмысления не только норм когнитивного и личностного развития, но и целого ряда конструктов, с которыми работают исследователи, изучая результаты сложных процессов

взаимодействия цифровой и традиционной социализации. В фокусе внимания психологов, особенно в контексте осмысления масштабов рисков, определяемых цифровыми трансформациями, оказывается проблема целостности личности, которую можно назвать одной из важнейших в разных областях психологической науки и практики.

Цель данной статьи — постановка проблемы внутренней согласованности расширенного и достраиваемого современными технологиями человека через выделение ключевых аспектов, определяющих сложный процесс становления новой целостности личности в процессе ее адаптации к окружающей среде в условиях стремительных цифровых трансформаций.

Проблема целостности в социально-гуманитарных науках

Идею целостности в философии отражает широко известный онтологический принцип холизма, противостоящий редукционизму. Суть холизма — целое не может быть простой суммой составляющих его частей, а обладает эмерджентными свойствами, которые не могут быть предсказаны или объяснены только на основе свойств отдельных частей. Сформулированный философами принцип холизма превратился в трансдисциплинарную установку, востребованную во многих науках, от биологии и медицины до социологии и математики, и стал одной из влиятельных методологий научного познания в системном подходе и теории систем [22].

Особенно активно холистические принципы воспроизводятся в информационных науках и разработке искусственного интеллекта, порождая идею о «сильном ИИ», способном не только имитировать отдельные процессы человеческого познания и решения задач, а воспроизводить целостную познавательную активность, постоянно обучаться и самоорганизовываться [21]. С идеей о возможном появлении «сильного» искусственного интеллекта до сих пор продолжают дискутировать, начиная с мысленного эксперимента «Китайская комната» Дж. Серла, критикующего тест Тьюринга [35], хотя в то же самое время поднимается вопрос о том, что ИИ уже представляет «новую цифровую сущность» с иной от предполагаемой создателями внутренней структурой.

В психологии онтологический принцип целостности становится значимым в контексте рассмотрения человека в единстве и противоречии природы и культуры, индивидуального и общественного, субъективного и объективного, наследственного и приобретенного при жизни, фактического и трансцендентного, сознательного и бессознательного, единстве прошлого, настоящего и будущего. Общеметодологический принцип организации сложных систем определил понимание целостности психики как феноменального поля в гештальтпсихологии (М. Вертгеймер и др.) в рамках универсального закона, определяющего целое как нечто, что больше суммы частей. У К. Юнга —

это архетип целостности — Самости как потенциала для интеграции всей личности, сознательного и бессознательного, как образ жизненной цели. К. Левин ввел в психологию двойственный взгляд на человека, представляя личность и как некую дифференцированную целостность, и как часть ее же собственного личностного пространства. У Г. Оллпорта — это понятие проприума, который рассматривается как принцип, организующий установки, мотивы, оценки и склонности личности.

Большой вклад в понимание целостности внесла гуманистическая психология, постулировав единство и целостность человека как сложную открытую систему, стремящуюся к интеграции и взаимосвязанности, например изучая бытийную целостность (А. Маслоу), конгруэнтность личности (К. Роджерс), самоидентичность во временной перспективе и социальном контексте (Э. Эриксон).

В советской и российской психологии сам феномен личности, а также понятие индивидуальности в соответствии с антропологическим принципом рассматриваются как интегрирующие начала, связывающие воедино различные процессы, определяющие устойчивость и целостность человека за счет внутренних связей и характеризующие нарастающей сложностью в историко-эволюционном процессе (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, В.С. Мерлин, В.Д. Небылицын, Петровский, Ярошевский, С.Л. Рубинштейн и др.).

В то же время, как отмечает С.П. Гуревич, подлинная целостность недостижима в силу незавершенности, неустойчивости человеческой природы, заблуждаемости и зависимости человека, его открытости миру и бесконечной потенциальности, пластичности, способности меняться, неизбежности внутренних и внешних конфликтов и противоречий. Целостность не абсолютна, она не задана человеку, а обретается им в формате относительных целостностей, т. е. человек принципиально нецелостен — его бытие разорвано и полно коллизий [2]. Рост неопределенности, нелинейности, сложности, текучести и онтологической расщепленности современного мира, в значительной степени определяемых цифровыми трансформациями, приводит к усложнению целостности, к новым способам восполнения своей целостности или созданию новых ее форм. Именно через призму целостности посмотрим с разных ракурсов на Человека достроенного.

Направления изучения технологически расширенной личности: индикаторы новой целостности

На основе анализа современных теоретических и эмпирических исследований выделим четыре направления изучения технологически расширенной личности, позволяющих рассмотреть целостность человека в цифровую эпоху: технологические, когнитивные, мотивационно-ценностные и социально-поведенче-

ские аспекты, четкое разграничение которых условно. По каждой группе рассмотрим возможные системы индикаторов технологически достроенной личности, некоторые вызовы и тренды новой целостности.

Технологические аспекты. Актуальный баланс цифрового и реального в смешанной реальности и появление техносистемы как важнейшего опосредующего звена между человеком и физической средой ставит под вопрос прежнюю целостность картины мира, которая может исследоваться на основе следующих индикаторов: техническая оснащенность окружающего пространства; доступность цифровых устройств, программ, приложений, цифровых платформ и возможность подключения к ним; удовлетворенность их качеством; разнообразие опыта использования.

Ряд этих показателей мы прослеживаем, начиная с 2013 г. Например, за последние десять лет число подростков с высоким уровнем пользовательской активности — гиперподключенных (тех, кто проводит в Сети половину времени бодрствования — 8–9 часов и больше) выросло в пять раз, а свыше 80% пользователей проводят в Сети от 6 часов и более [9]. Уже в 2019 г. в крупных городах России четверть домов были обустроены умными бытовыми устройствами, а более половины дошкольников и треть младших школьников играли с роботизированными умными игрушками. Причем чем младше дети, тем в более технологически насыщенной среде они растут, чему способствует в том числе развитие интернета вещей — роста числа объектов, подключенных к Сети [8].

Цифровые гаджеты, приложения, голосовые помощники расширяют возможности личности и достраивают ее, превращаясь в инструменты оптимизации различных аспектов повседневности (например, селфтрекеры пульса, количества шагов и т. д.), которые в связи с удобством и простотой устройств уже повсеместно сопровождают человека в разных сферах жизни. Цифровые устройства и пространства в силу своей доступности и распространенности быстро становятся константой современного человека и начинают выполнять ключевую роль в формировании его целостности. Лишение цифровых достроек, используемых долго и достаточно интенсивно, может превратить человека в беспомощное существо и резко снизить его эффективность.

Личность не только расширяется и дополняется цифровыми «достройками», но и существует в особом пространстве, где виртуальное и реальное непрерывно смешиваются между собой, взаимопроникая друг в друга, меняя физическое, социальное и психологическое. Проблема новой целостности личности в смешанной реальности хорошо видна на примере связанности различных психологических феноменов с отношением к цифровым устройствам. Адаптация к смешанной реальности предполагает рост доверия, с одной стороны, к себе, как компетентному пользователю, что, по К. Роджерсу, выступает условием сохранения целостности личности. С другой стороны, целостность технологически достроенной личности не может не опираться также на доверие к удобным,

надежным, доступным и поэтому распространенным технологиям, в том числе к искусственному интеллекту — голосовым помощникам и нейросетям. При этом важно, полагаясь на цифровые достройки, не доверять им излишне и некритично. В исследованиях чат-ботов обнаруживается, что половина пользовательских запросов носят эмоциональный характер [11]. На первый план в выборе технологий умного дома выходят вопросы комфорта и удобства, в то время как безопасность и конфиденциальность в меньшей степени оказываются значимыми [23]. Многие люди взаимодействуют с техническими устройствами как с одушевленными созданиями, имеющими человеческие черты, приписывают им личностные особенности и взаимодействуют с ними в рамках принятых культурных норм [32].

В настоящий момент наблюдается смена фокуса внимания с исследований полезности, окупаемости, трудоемкости и практической применимости конкретных разработок в сторону социопсихологических исследований формирования представлений о технологиях и их роли в жизни, о построении осознанной и ответственной позиции пользователя, когда он управляет устройствами, а не они им. Именно в таком направлении возможно обретение нового модуса внутренней целостности человека достроенного, которая теперь зависит не только от надежности цифровых достроек человека, но, по мере расширения их функций, и от установки на отношения с ними: от антропоморфизации устройств и автоматического доверия к ним как компаньонам до сознательно формируемого отношения к ним как к инструментам и полезным приложениям. Онтологическое расщепление смешанной реальности требует нового взгляда на целостность личности, у которой цифровые устройства становятся постоянными спутниками.

Когнитивные аспекты. При выполнении разных познавательных задач опора на цифровые орудия, когда они становятся непосредственной частью процесса, происходит все чаще, и в некоторых случаях решение поставленных задач без таких инструментов может уже даже не осуществиться. На первый план в этом контексте выходят вопросы когнитивной целостности личности, связанные с «расширенностью» когнитивных процессов цифровыми орудиями и овладением новым поведением в условиях цифрового опосредствования, расщепленностью сознания, особенно у подрастающего поколения, трудностями реагирования в целостной форме на смешанную реальность. Дознательства сложности соединения когнитивного и социального в контексте цифрового опосредствования когнитивных процессов обнаруживаются в известном «эффекте Google»; в исследованиях сетевого мышления и социального познания, опосредованного технологиями; в расширениях возможностей автобиографической памяти, ее хранения и редактирования; в исследованиях внимания как когнитивного ресурса медиамногозадачности [например: 14; 20; 38].

Исследования когнитивных процессов, дополненных цифровыми орудиями, опираются на тезис

о расширенном сознании [15] и проводятся в рамках общего тренда, объединенного под названием «когнитивная разгрузка» — процесса «разгрузки» познавательных процессов за счет использования внешних орудий [19; 29] и в результате этого сохранения ресурсов человека для другой активности [14; 37]. С одной стороны, использование цифровых устройств позволяет личности с разной степенью интенсивности воспринимать этот процесс как реализацию ее собственных когнитивных функций, что предполагает, в том числе, распределение когнитивной нагрузки и сохранение ресурсов. С другой стороны, когнитивное развитие личности, опосредованное техносистемой, с точки зрения принятых возрастнопсихологических норм его формирования, «на выходе» определяет совсем другие результаты, чем те, на основе которых были обозначены нормы психологии развития в двадцатом веке.

Наиболее активно обсуждается возможность расширения Интернета как части расширенной транзактивной памяти, а цифрового устройства — как партнера по памяти с фокусировкой на размытости границ между «тем, что знает пользователь, и тем, что знает Интернет»; основной результат такого процесса, как известно, получил название «эффект Google» [27; 36]. Человеческую память дополняет широкий диапазон устройств — смартфоны и компьютеры, фотоаппараты, умные часы и GPS-устройства, умные колонки и другие устройства, подключенные к Интернету. И здесь также возникают проблемы когнитивной целостности, вызываемые разными цифровыми эффектами. Например, использование Интернета повышает уверенность людей в своих собственных знаниях, причем они нередко найденную в Сети информацию воспринимают как часть своей системы знаний, при этом увеличивается склонность людей полагаться на Интернет [37]. В то же время люди могут забывать информацию, которую они доверили цифровому устройству для хранения ее вместо человека [25].

Наблюдаемые трансформации высших психических функций — это поиск человеком новой целостности в смешанной реальности и новых способов управления памятью, вниманием, мышлением, социальным познанием в процессе адаптации к многоаспектной и насыщенной цифровой среде. С развитием технологий искусственного интеллекта мы получаем огромное количество дополнительных возможностей, новый «когнитивный экзоскелет» для расширенной личности. Вопрос только в том, послужит ли он основой ее целостности.

Мотивационно-ценностные аспекты. В рамках данного направления исследований цифровые устройства и среды рассматриваются как мотивирующие, эмоционально заряженные артефакты, вызывающие определенный спектр переживаний и имеющие особую ценность для владельца, существенно отличающуюся от восприятия другой принадлежащей ему собственности. Здесь на первый план выходят новые «цифровые» потребности, индикаторы

эмоциональной привязанности, доверия к цифровым устройствам и программам искусственного интеллекта, переживания технологий как части себя, переживание различных психологических состояний, связанных со взаимодействием с технологиями, в том числе тревожно-фобических и депрессивных, а также согласованности виртуального и реального Я как целостной Самости.

Это может выражаться в целом ряде феноменов, определяемых мотивационно-потребностной сферой технологически достраиваемой личности, в частности, в проявлениях эмоциональной привязанности к цифровому устройству, выражающихся в приписывании ему характера и эмоций, проявлении к нему заботы [30], в переживании тревоги при его отсутствии [33], фобийных состояний — технофобии, и отношении к технологиям в целом [3], номофобии — навязчивой тревоги и страху остаться без смартфона и доступа к Интернету [24]. Эмоциональная привязанность к своим гаджетам и цифровым устройствам наиболее заметна у детей и подростков, для которых смартфон как персонализированное устройство становится не только одним из первых видов значимой собственности, но и любимой вещью и другом, которому они доверяют и без которого им сложно представить свою жизнь [8].

Пользователи смартфонов отмечают, что технология стала продолжением их тела, определяя как их личность, так и их образ жизни [30; 39]; они чувствуют частичную потерю своей идентичности, когда их разлучают с устройством [33]. В то же время некоторые авторы считают, что смартфон как таковой не является продолжением личности; скорее, он объединяет в себе существующие средства расширения личности и сам начинает представлять различные Я человека [34].

С. Парк и Б. Кэй выделили три типа расширения личности на примере смартфонов: функциональное — смартфон расширяет когнитивные и физические возможности; антропоморфное — пользователи приписывают свои характеристики своим смартфонам; онтологическое, когда пользователи ощущают онтологическую безопасность или небезопасность своих смартфонов, «...меняя то, кем они являются» [30]. К этому понимаю близко понятие проблемного использования Интернета, которое в настоящий момент изучается только в клиническом или поведенческом контексте, но пока не было изучено с точки зрения значимости устройства как технологического дополнения личности [33; 34].

Построение целостного образа Я, образов Другого/Других и целостной картины мира является не только важной задачей социализации детей, подростков и молодежи, но и отдельной сложной задачей в условиях их адаптации к смешанной реальности. Подростки и более старшее поколение справляются с этой сложной задачей разными способами. Для взрослых характерно перенесение Я-идентичности из реального мира в цифровой чаще в неизменном виде, они стремятся сохранить свою приобретенную

целостность. У подростков образы реального мира и мира цифрового находятся в постоянной динамике, они смешиваются и взаимодополняют друг друга. Ценностное Я-виртуальное и Я-реальное не противостоят друг другу, а активно взаимодействуют по принципу взаимного дополнения, конструируясь в смешанной реальности и претендуя на целостность (Солдатова и др., 2022). Представители цифрового поколения самостоятельно отработывают навыки построения целостной личности в смешанной реальности, что отражается в сближении цифровой и реальной личностей и формировании нового типа личности как гибридного образования, границы которого расширены за счет цифрового измерения, что может в будущем привести к выбору идентичности за пределами биологической природы.

Социально-поведенческие аспекты. Исследование таких аспектов связано с цифровой социальностью и отражает, в первую очередь, процессы овладения в контексте цифрового опосредствования социокультурными практиками технологического расширения личности, способами управления цифровой повседневностью и саморегуляции в ней и в смешанной реальности; специфику социальных взаимодействий, социальных связей, образов Других; отношение к цифровым персональным данным; вопросы идентичности и самопрезентации. Активное освоение социокультурных практик в смешанной реальности, основанных на использовании цифровых достроек, происходит в широком диапазоне: от деструктивных практик, например киберагрессии, до позитивных, таких как онлайн-благотворительность, онлайн-волонтерство и другие. Все эти практики взаимодействуют с аналогичными активностями в реальной жизни, что вновь остро ставит вопросы целостности личности современного подростка и молодого человека.

Данные исследований показывают, что подростки в социальных сетях интенсивно занимаются социотехнологическим расширением своей личности — активно оцифровываются, выставляя фото, меняя аватары, конструируя и редактируя свои профили, которые достаточно часто делают доступными [8]. Одним из преимуществ использования цифрового пространства может выступать возможность экспериментировать, проверять в действии те варианты самопрезентации, которые после проверки потенциально могут быть перенесены в офлайн [6]. Расщепление личности и проблемы ее целостности напрямую отражаются в деятельности в социальных сетях по демонстрации себя и бесконечной трансформации своего образа: чем больше разрыв между различными Я, тем более активно пользователь загружает и редактирует контент на своих аккаунтах.

Говоря о образе Я, Самости и личности, мы вслед за другими авторами обращаем внимание на изменение традиционных практик самоконструирования, дополнение их цифровыми, а главное — практиками в смешанной реальности. Р. Белк описывал процессы дематериализации значимых, «наполненных

самостью» объектов в цифровые копии, попытку воспроизведения себя в цифровых пространствах через аватары и цифровые следы, распределенную в цифровых пространствах автобиографическую память [12]. Р. Брубейкер называет практики самоконтруирования себя, вслед за М. Фуко, «технологиями самопроизводства», ключевым контекстом для которого становится рутинная самообъективация через цифровые данные, к которым всегда можно обратиться [13]. Примером исследований таких практик является использование данных приложений по отслеживанию разных показателей в самонаблюдении, самопознании и самоконтроле, что все больше стирает границу между человеком и набором данных о человеке. Гиперподключенность создает новую техносциальную инфраструктуру Самости через постоянное нахождение «на связи» с офлайн-онлайн-жизнью [18]. Целостность субъекта приобретает новые краски — «Цифровое Я» становится «немедленно доступным для осмотра, дополнения и уточнения», по аналогии с тем, как человек может наблюдать собственное тело [26, с. 59–60].

Расширенная личность осваивает новые практики конструирования социальной сети контактов — социального онлайн-капитала, который может выступать и как ресурс для удовлетворения ее потребностей в развитии и самореализации, и как потенциальный источник столкновения с различными рисками, и как новая проблема ее целостности. Благодаря Интернету почти треть подростков только по одной социальной сети достигает числа Данбара, соответствующего контактам среднестатистического взрослого [16; 31]. Уже показано, что социальный капитал, накапливаемый в онлайн-пространстве, способствует удовлетворению важных потребностей в общении, принадлежности, взаимоподдержке и принятии, повышению самооценки и психологического благополучия в целом [28]. В то же время может увеличиться вероятность столкновения с различными видами рисков, например кибербуллинг и кибергрумминг [1]. Но важнейший вопрос о том, как состыкуются социальные капиталы реального и виртуального миров, какие процессы в этом контексте происходят в смешанной реальности и как все это влияет на целостность личности, пока остается открытым.

Серьезными вызовами для технологически достраиваемой личности становятся вопросы ее саморегуляции посредством управления цифровыми достройками. Для понимания таких процессов была разработана и апробирована методика «Самуправление цифровой повседневностью», включающая переживание этой повседневности, собственно управление цифровыми устройствами, а также цифровую социальность [5]. Исследования показали, что одним из важнейших инструментов самоуправления разнообразием технологических расширений в условиях насыщенной цифровой повседневности, а значит, и решением новых проблем целостности личности, становится цифровая компетентность — готовность и способность к эффективному и безопасному ис-

пользованию цифровых достроек и технорационализм — осознанное и сбалансированное отношение к технологическому прогрессу.

Заклучение

Рассмотренные направления исследования технологически расширенной личности (технологическое, когнитивное, мотивационно-ценностное и социально-поведенческое) определяют систему ключевых индикаторов рассмотрения проблемы целостности человека в цифровую эпоху. Когнитивная и социальная экстернализация человека посредством техносистемы и смешанной реальности — вызов целостности человека в самых разных ракурсах — целостности Самости, Другого/Других, картины мира во всем разнообразии, включая неживые системы искусственного интеллекта. Эта целостность сегодня распределена, фрагментарна и существует в разных реальностях. Насколько возможно сохранение человеком себя в том понимании целостности, которое было присуще социальным и гуманитарным наукам в XX веке? Современный человек в большей степени, чем в предыдущие эпохи, постоянно себя преобразует, переконструирует, стремясь к целостности, которая в условиях быстрых трансформаций не может быть задана, она текуча так же, как и современность, и постоянно человеком обретается. В своей сущности психологическая, биологическая, психосоциальная целостность в любом ракурсе так или иначе понимается как то, к чему такая сложная самоорганизующаяся система, как Человек, стремится в своем жизненном процессе. Актуальная ситуация развития информационного общества требует решения этой задачи и поиска новых способов восполне-

ния человеком своей целостности, возможно — через создание новых относительных целостностей, складывающихся всю жизнь человека — от рождения до смерти [10]. Остается открытым вопрос о возможностях интеграции таких целостностей в множественной реальности современного мира и необходимости такой интеграции.

Перед технологически достраиваемой личностью стоят серьезные вызовы, в частности необходимость самоопределения и саморегуляции в новом мире, с одной стороны, посредством присваивания цифровых расширений в форме различных устройств и цифровых пространств, с другой — овладения ими как культурными орудиями с целью освоения новых способов действий, в том числе, что очень важно, способов управления формирующимися цифровыми достройками для сохранения своей целостности, обеспечения и повышения безопасности, а также реализации возможностей в условиях новой среды обитания — смешанной реальности и новой социальности. Эмпирические доказательства интеграции когнитивных, личностных и поведенческих систем человека с цифровыми устройствами, что в силу их особых свойств определяет свою специфику цифрового опосредствования, требующего все меньше личных усилий, говорят о том, что взгляд на интегральную проблему целостности человека безусловно должен быть иным по сравнению с принятым в XX веке. В эпоху цифровых трансформаций, скорость которых все нарастает, он должен быть пересмотрен на основе ключевого принципа — изменяющийся человек находится в постоянно трансформирующемся мире, предполагающем, что прежние антропологические лекала и нормы сковывают наше понимание человека и что человек — открытый, незавершенный проект, нацеленный на бесконечное раскрытие своего потенциала.

Литература

1. Борисенко Е.В., Дозорцева Е.Г. Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга. // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76. DOI:10.17759/psylaw.2022120306
2. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М.: ИФРАН, 2004. 178 с.
3. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 5. С. 5–14
4. Иванов Д.В. Экстернализм и теория расширенного сознания // Философия науки и техники. 2019. Том 24. № 2. С. 33–42.
5. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Технологически расширенная личность: разработка и апробация шкалы самоуправления цифровой повседневностью. // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. Том 47. № 2. С. 175–200. DOI:10.11621/LPJ-24-20
6. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные

References

1. Borisenko E.V., Dozortseva E.G. Kliniko-psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh, poterpevshikh ot kibergruninga [Clinical and psychological peculiarities of juvenile victims of cybergrooming]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 66–76. DOI:10.17759/psylaw.2022120306 (In Russ.).
2. Gurevich P.S. Problema tselostnosti cheloveka [The problem of human's wholeness] Moscow: IFRAN, 2004. 178 p. (In Russ.).
3. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya gotovnosti lichnosti k ispol'zovaniyu novykh tekhnologii [Socio-psychological determination of readiness of personality to use new technologies]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2018. Vol. 39, no. 5, pp. 5–14 (In Russ.).
4. Ivanov D.V. Eksternalizm i teoriya rasshirennogo soznaniya [Externalism and the theory of expanded consciousness]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology], 2019. Vol. 24, no. 2, pp. 33–42. (In Russ.).
5. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Tekhnologicheskii rasshirennaya lichnost': razrabotka i aprobatsiyashkaly samoupravleniya tsifrovoi povsednevnost'yu

матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 4. С. 27–37. DOI:10.17759/chp.2022180403

7. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Том 18. № 3. С. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

8. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. М.: Акрополь, 2022. 356 с.

9. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 87–97. DOI: 10.17759/chp.2020160409

10. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л.О. Акопян. М.: Практика, 1997. Том 1053. 8 с.

11. Adamopoulou E., Moussiades L. Chatbots: History, technology, and applications // Machine Learning with Applications. 2020. Vol. 2. Art. 100006. DOI:10.1016/j.mlwa.2020.100006

12. Belk R. Extended self and the digital world // Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 10. P. 50–54. DOI:10.1016/j.copsyc.2015.11.003

13. Brubaker R. Digital hyperconnectivity and the self // Theory and Society. 2020. Vol. 49. P. 771–801. DOI:10.1007/s11186-020-09405-1

14. Choi G. The internet-extended mind: The psychological ramifications and philosophical implications of cognitive offloading. Scripps Senior Theses. Scholarship@Claremont, 2021. 50 p.

15. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58. № 1. P. 7–19.

16. Dunbar R.I.M. The Social Brain Hypothesis and Human Evolution [Электронный ресурс] // Oxford Research Encyclopedia of Psychology. Oxford University Press, 2016. 31 p. URL: <https://oxfordre.com/psychology/display/10.1093/acrefore/9780190236557.001.0001/acrefore-9780190236557-e-44> (дата обращения: 11.10.2024). DOI:10.1093/acrefore/9780190236557.013.44

17. Fernandez-Gago C., Moyano F., Lopez J. Modelling trust dynamics in the Internet of Things // Information Sciences. 2017. Vol. 396. P. 72–82.

18. Floridi L. The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. OUP Oxford, 2014. 248 p.

19. Hamilton K.A., Yao M.Z. Cognitive offloading and the extended digital self. In Human-Computer Interaction // Proceedings of the 20th International Conference “Theories, Methods, and Human Issues”. Las Vegas, NV, USA, 2018. P. 257–268.

20. Hejtmánek L., Oravcová I., Motýl J., Horáček J., Fajnerová I. Spatial knowledge impairment after GPS guided navigation: Eye-tracking study in a virtual town // International Journal of Human-Computer Studies. 2018. Vol. 116. pp. 15–24.

21. Hoffmann C.H. A philosophical view on singularity and strong AI // AI & SOCIETY. 2023. Vol. 38. № 4. P. 1–18.

22. Holland J.H. Emergence: From chaos to order. Oxford: Oxford University Press, 2000. 258 p.

23. Jo T.H., Ma J.H., Cha S.H. Elderly perception on the internet of things-based integrated smart-home system // Sensors. 2021. Vol. 21. № 4. Art. 1284.

24. León-Mejía A.C., Gutiérrez-Ortega M., Serrano-Pintado I., González-Cabrera J. A systematic review on

[Technologically Augmented Personality: Development and Validation of the Self-Management Scale of Digital Everyday Life]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya [Lomonosov Psychology Journal]*, 2024. Vol. 47, no. 2, pp. 175–200. DOI:10.11621/LPJ-24-20 (In Russ.).

6. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Ya-real'noe i Ya-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [Self-real and Self-virtual: Identity matrices of adolescents and adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. = Cultural-historical psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 27–37. DOI:10.17759/chp.2022180403 (In Russ.).

7. Soldatova G.U., Voiskunskii A.E. Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoy sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [Social cognitive concept of digital socialization: new ecosystem and social evolution of psyche]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (In Russ.).

8. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., Teslavskaya O.I., Chigar'kova S.V. Rozhdennye tsifrovymi: semeinyi kontekst i kognitivnoe razvitie [Born digital: family context and cognitive development]. Moscow: Akropol', 2022. 356 p. (In Russ.).

9. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Tsifrovye praktiki solidarnosti: na sluzhbe u dobrykh del. Metodicheskoe posobie [Digital Solidarity Practices: In the service of good deeds. Methodological guide]. Moscow: MPI, 2022. 164 p. (In Russ.).

10. Yaspers K. Obschaya psikhopatologiya: per. s nem. L.O. Akopyan. [General psychopathology: transl. from germ. L.O. Akopyan]. Moscow: Praktika, 1997. Vol. 1053, 8 p. (In Russ.).

11. Adamopoulou E., Moussiades L. Chatbots: History, technology, and applications. *Machine Learning with Applications*, 2020. Vol. 2, Art. 100006. DOI:10.1016/j.mlwa.2020.100006

12. Belk R. Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 2016. Vol. 10, pp. 50–54. DOI:10.1016/j.copsyc.2015.11.003

13. Brubaker R. Digital hyperconnectivity and the self. *Theory and Society*, 2020. Vol. 49, pp. 771–801. DOI:10.1007/s11186-020-09405-1

14. Choi G. The internet-extended mind: The psychological ramifications and philosophical implications of cognitive offloading. *Senior Theses*. Scripps College, 2021. 50 p.

15. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind. *Analysis*, 1998. Vol. 58, no. 1, pp. 7–19.

16. Dunbar R.I.M. The Social Brain Hypothesis and Human Evolution. [Electronic resource]. *Oxford Research Encyclopedia of Psychology*. Oxford University Press, 2016. 31 p. URL: <https://oxfordre.com/psychology/display/10.1093/acrefore/9780190236557.001.0001/acrefore-9780190236557-e-44> (Accessed 11.10.2024) DOI:10.1093/acrefore/9780190236557.013.44

17. Fernandez-Gago C., Moyano F., Lopez J. Modelling trust dynamics in the Internet of Things. *Information Sciences*, 2017. Vol. 396, pp. 72–82.

18. Floridi L. The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. OUP Oxford, 2014. 248 p.

19. Hamilton K.A., Yao M.Z. Cognitive offloading and the extended digital self. In Human-Computer Interaction. *Proceedings of the 20th International Conference “Theories, Methods, and Human Issues”*. Las Vegas, NV, USA, 2018. pp. 257–268.

nomophobia prevalence: Surfacing results and standard guidelines for future research // *PloS one*. 2021. Vol. 16. № 5. Art. e0250509.

25. Lodha P. Digital Amnesia: are we headed towards another amnesia // *Indian Journal of Mental Health*. 2019. Vol. 6. № 1. P. 18–23.

26. Maguire J.S. Leisure and the obligation of self-work: An examination of the fitness field // *Leisure Studies*. 2008. Vol. 27. № 1. P. 59–75. DOI:10.1080/02614360701605729

27. Marsh E.J., Rajaram S. Cognition in the internet age: What are the Important Questions? // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2019. Vol. 8. № 1. P. 46–49. DOI:10.1016/j.jarmac.2019.01.004

28. Membiela-Pollán M., Rodríguez-Vázquez C., Sánchez-Amboage E. Effects of social media on structural social capital and subjective well-being: Insights from a review of the literature // 16th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI). Chaves, Portugal, 2021. P. 1–6. DOI:10.23919/CISTI52073.2021.9476531

29. Pandey P., Singh T., Kumar S. Cognitive Offloading: Systematic Review of a Decade // *International Journal of Indian Psychology*. 2023. Vol. 11. № 2. P. 1545–1563. DOI:10.25215/1102.163

30. Park C.S., Kaye B.K. Smartphone and self-extension: Functionally, anthropomorphically, and ontologically extending self via the smartphone // *Mobile Media & Communication*. 2019. Vol. 7. № 2. P. 215–231.

31. Perret J. The social brain of social media – a physiological boundary to the number of online relations // *Social Network Analysis and Mining*. 2021. Vol. 11. № 1. Art. 54. DOI:10.1007/s13278-021-00762-y

32. Poushneh A. Humanizing voice assistant: The impact of voice assistant personality on consumers' attitudes and behaviors // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 58. Art. 102283. DOI:10.1016/j.jretconser.2020.102283

33. Ross M.Q., Kushlev K. Antecedents and Consequences of Smartphone Self-Extension. [Электронный ресурс] // arXiv, Cornell University. 2023. URL: <https://osf.io/preprints/psyarxiv/rwe7j> (дата обращения: 18.09.2024). DOI:10.31234/osf.io/rwe7j

34. Ross M.Q., Bayer J.B. Explicating self-phones: Dimensions and correlates of smartphone selfextension // *Mobile Media & Communication*. 2021. Vol. 9. № 3. P. 488–512. DOI:10.1177/2050157920980508

35. Searle J.R. The Chinese room revisited // *Behavioral and brain sciences*. 1982. Vol. 5. № 2. P. 345–348.

36. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. 2011. Vol. 333. № 6043. P. 776–778. DOI:10.1126/science.1207745

37. Storm B.C., Stone S.M., Benjamin A.S. Using the Internet to access information inflates future use of the Internet to access other information // *Memory*. 2017. Vol. 25. № 6. P. 717–723. DOI:10.1080/09658211.2016.1210171

38. Wu J.Y., Xie C. Using time pressure and note-taking to prevent digital distraction behavior and enhance online search performance: Perspectives from the load theory of attention and cognitive control // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 88. P. 244–254. DOI:10.1016/j.chb.2018.07.008

39. Wu J., Qiao L., Liu Q. The Expanded Me: Impact of Smartphone Use on Adolescents' Self-Expansion Via Smartphone // *International Journal of Human-Computer Interaction*. 2023. Vol. 39. № 17. P. 3324–3333. DOI:10.1080/10447318.2022.2096189

20. Hejtmánek L., Oravcová I., Motýl J., Horáček J., Fajnerová I. Spatial knowledge impairment after GPS guided navigation: Eye-tracking study in a virtual town. *International Journal of Human-Computer Studies*, 2018. Vol. 116, pp. 15–24

21. Hoffmann C.H. A philosophical view on singularity and strong AI. *AI & SOCIETY*, 2023. Vol. 38, no. 4, pp. 1–18.

22. Holland J.H. Emergence: From chaos to order. Oxford: Oxford University Press, 2000. 258 p.

23. Jo T.H., Ma J.H., Cha S.H. Elderly perception on the internet of things-based integrated smart-home system. *Sensors*, 2021. Vol. 21, no. 4, Art. 1284.

24. León-Mejía A.C., Gutierrez-Ortega M., Serrano-Pintado I., González-Cabrera J. A systematic review on nomophobia prevalence: Surfacing results and standard guidelines for future research. *PloS one*, 2021. Vol. 16, no. 5, Art. e0250509.

25. Lodha P. Digital Amnesia: are we headed towards another amnesia. *Indian Journal of Mental Health*, 2019. Vol. 6, no. 1, pp. 18–23.

26. Maguire J.S. Leisure and the obligation of self-work: An examination of the fitness field. *Leisure Studies*, 2008. Vol. 27, no. 1, pp. 59–75. DOI:10.1080/02614360701605729.

27. Marsh E.J., Rajaram S. Cognition in the internet age: What are the Important Questions? *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 2019. Vol. 8, no. 1, pp. 46–49. DOI:10.1016/j.jarmac.2019.01.004

28. Membiela-Pollán M., Rodríguez-Vázquez C., Sánchez-Amboage E. Effects of social media on structural social capital and subjective well-being: Insights from a review of the literature. *16th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI)*. Chaves, Portugal, 2021. pp. 1–6. DOI:10.23919/CISTI52073.2021.9476531

29. Pandey P., Singh T., Kumar S. Cognitive Offloading: Systematic Review of a Decade. *International Journal of Indian Psychology*, 2023. Vol. 11, no. 2, pp. 1545–1563. DOI:10.25215/1102.163

30. Park C.S., Kaye B.K. Smartphone and self-extension: Functionally, anthropomorphically, and ontologically extending self via the smartphone. *Mobile Media & Communication*, 2019. Vol. 7, no. 2, pp. 215–231.

31. Perret J. The social brain of social media – a physiological boundary to the number of online relations. *Social Network Analysis and Mining*, 2021. Vol. 11, no. 1, Art. 54. DOI:10.1007/s13278-021-00762-y.

32. Poushneh A. Humanizing voice assistant: The impact of voice assistant personality on consumers' attitudes and behaviors. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2021. Vol. 58, Art. 102283. DOI:10.1016/j.jretconser.2020.102283.

33. Ross M.Q., Kushlev K. Antecedents and Consequences of Smartphone Self-Extension. [Electronic resource]. *arXiv, Cornell University*, 2023. URL: <https://osf.io/preprints/psyarxiv/rwe7j> (Accessed 18.09.2024) DOI:10.31234/osf.io/rwe7j

34. Ross M.Q., Bayer J.B. Explicating self-phones: Dimensions and correlates of smartphone selfextension. *Mobile Media & Communication*, 2021. Vol. 9, no. 3, pp. 488–512. DOI:10.1177/2050157920980508

35. Searle J.R. The Chinese room revisited. *Behavioral and brain sciences*, 1982. Vol. 5, no. 2, pp. 345–348.

36. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*, 2011. Vol. 333, no. 6043, pp. 776–778. DOI:10.1126/science.1207745

37. Storm B.C., Stone S.M., Benjamin A.S. Using the Internet to access information inflates future use of the

Internet to access other information. *Memory*, 2017. Vol. 25, no. 6, pp. 717–723. DOI:10.1080/09658211.2016.1210171

38. Wu J.Y., Xie C. Using time pressure and note-taking to prevent digital distraction behavior and enhance online search performance: Perspectives from the load theory of attention and cognitive control. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 88, pp. 244–254. DOI:10.1016/j.chb.2018.07.008

39. Wu J., Qiao L., Liu Q. The Expanded Me: Impact of Smartphone Use on Adolescents' Self-Expansion Via Smartphone. *International Journal of Human–Computer Interaction*, 2023. Vol. 39, no. 17, pp. 3324–3333. DOI:10.1080/10447318.2022.2096189

Информация об авторах

Солдатова Галина Уртанбековна, академик РАО, доктор психологических наук, профессор факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»); руководитель научно-образовательного центра изучения личности в цифровой и смешанной реальности, НОЧУ ВО Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО МИП), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Илюхина Светлана Николаевна, психолог факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»); научный сотрудник научно-образовательного центра изучения личности в цифровой и смешанной реальности, НОЧУ ВО Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО МИП), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Information about the authors

Soldatova Galina U., Academician of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Professor, Faculty of Psychology, Department of Personality Psychology, Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher The Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Ilyukhina Svetlana N., Psychologist, Faculty of Psychology, Department of Personality Psychology, Lomonosov Moscow State University, Research Fellow, The Moscow Institute of Psychoanalysis Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Получена 10.11.2024

Принята в печать 14.03.2025

Received 10.11.2024

Accepted 14.03.2025